

Д. А. ТОЛСТОЙ

Римский католицизм в России

<Фрагмент>

Иезуиты решились действовать против митрополита всеми средствами, которыми могли располагать, несмотря на то, что Сестренич пользовался тогда милостью государя и достиг такого положения в иерархии, что был как бы патриарх латинской Церкви в России. Орудием своим они избрали своего сочлена, прибывшего из Австрии Грубер, человека необыкновенно умного и хитрого, специально изучавшего науки физические и механику, в которой даже сделал некоторые открытия. Он приехал в Петербург как бы для того только, чтобы представить Академии наук сделанные им усовершенствования по части механики; там он нашел немало покровителей, в том числе несколько русских вельмож, бывавших в Полоцке и восхищавшихся отлично устроенными иезуитами физическим кабинетом, типографией и другими учеными приспособлениями. Грубер и сопровождавшие его иезуиты появились в петербургском обществе, посещали Академию, одним словом, бывали везде, где могли составить себе связи, и отличались столько же своими знаниями, сколько и необыкновенной наружною скромностью. Весть об их достоинствах и христианской жизни дошла до государя (Павла I. — *Сост.*); он призвал к себе Грубера, был от него в восхищении и, в доказательство своей милости, тут же хотел пожаловать его кавалером какого-то ордена. Грубер поблагодарил, но не принял этого отличия, так как правила его сословия того не позволяют, и при этом смиренно сказал, что они обязываются служить государям и их подданным единственно для умножения славы Божией, *ad maiorem Dei gloriam*. Этот ответ так понравился императору, что он позволил Груберу приходить к нему, когда захочет, прямо в кабинет, и впоследствии встречал его словами: *ad maiorem Dei gloriam!* Посещения эти не остались безуспешными для иезуитов: вскоре им отдан был петербургский костел с принад-

лежащим к нему домом, и тотчас же открыты при костеле иезуитские школы и конвикт. Таким образом иезуиты основались в Петербурге, украсили свой храм, угождали всем прихожанам, ничего не брали за требы и ввели красноречивых проповедников на главнейших европейских языках; вскоре заговорила о них вся столица. Вслед за сим разрешено им было умножить их заведения в западном крае, где до того они имели один только новициат в Полоцке, и в пользу вновь учреждаемых училищ отдавать имения, отобранные еще польским правительством, по уничтожении в 1773 году иезуитского ордена. Митрополит исполнял высочайшую волю и молчал, ибо малейшее возражение с его стороны погубило бы и его самого, и все сделанные по римско-католической части учреждения. Но это совершилось и без того, только несколькими месяцами позже; иезуиты, конечно, не могли довольствоваться одним петербургским костелом; они искали его, чтобы приобрести оседлость в столице и с большим удобством захватить в руки свои все управление Латинской Церковью, и достигли этого вполне. Через своих сообщников, оставаясь сами как бы в стороне, они заставили подавать жалобу за жалобой на католический департамент юстиц-коллегии, в которой председательствовал митрополит. Государь, желая знать истину, потребовал к себе Грубера, который тут же и довершил иезуитскую победу: Сестренцевичу запрещено было являться во дворец и снято с него достоинство кавалера мальтийского ордена.

Спустя несколько дней, в одиннадцать часов вечера, полицмейстер Зильбергарниш явился к Сестренцевичу (который жил в Коломенской части, близ костела), нашел его в постели и объявил ему повеление императора немедленно встать и отправиться спать на подворье св. Иоанна (принадлежавшее Мальтийскому ордену), чтобы дать место Груберу. Митрополит встал и в три часа уже лежал в постели на подворье. Грубер прибыл, принял в свое заведование костел и после разговора с прихожанами, своими друзьями, сказал: «Сознайтесь, что я хорошо вымел костел!» Митрополит не знал своего прошедшего проступка, а еще более своей будущей судьбы; чтобы уяснить себе это, он отправился к генерал-губернатору города, графу Палену, и спросил его, какая бы могла быть причина запрещения являться ему во дворец. Граф отвечал: «Право, я не знаю об этом ничего»; потом прибавил: «Каковы Вы с патером Грубером»? Этот вопрос открыл ему глаза; он более не сомневался, что Грубер захотел удалить его от Двора. Оттуда он отправился к виленскому генерал-губернатору Кутузову, давнему своему другу, и предложил ему тот же вопрос. Ответ последовал более ясный: «Патер Грубер,— сказал Кутузов,— жаловался мне на Вас, но его жалобы кажутся мне столь маловажными, что я постараюсь

Вас помирить; приходите ко мне завтра утром в семь часов; в это же время я приглашу и Грубера; он, верно, придет». На другой день митрополит с точностью явился в назначенный час, пробыл у Кутузова почти до девяти часов, а Грубер не приходил; тогда он понял, что этот патер верен своей цели и непоколебим в своем намерении воспользоваться доверием к нему, императора, чтобы повредить ему и, как он узнал после, погубить его. Это было только началом драмы. Грубер, имевший, как мы сказали, свободный вход к императору во всякое время, явился к нему. «Что нового? — спросил его император, — о чем говорят в городе?» Грубер отвечал: «Потешаются над указом, который Ваше Величество издали в нашу пользу». — «А кто осмелился на это?» — Патер вытащил из кармана список, в котором двадцать семь человек предназначены были к ссылке. Немедленно дано было повеление всех сослать или заключить в тюрьму; одни подверглись этому тотчас, а другие через несколько дней; в числе последних были митрополит и члены коллегии. Митрополит был освобожден 14 ноября 1800 года и сослан в свое поместье. «Эти пролазы (lourques), — сказал Грубер, — никогда не возвратятся».

